

© 2009 г.

А.Ю. ВАТЛИН

У ИСТОКОВ "ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА" ФРГ: НАЛОГОВАЯ РЕФОРМА 1948 года

В истории случаются вещи, которые можно назвать "уплотнением событий": тихое течение будней, когда как будто ничего не происходит, сменяет концентрация решений, действий, эмоций, буквально обгоняющих друг друга. Одним из ярких примеров такого "уплотнения" стала неделя в июне 1948 г., которая предшествовала денежной реформе в западных зонах оккупации Германии. Эта реформа традиционно пользовалась особым вниманием политиков и публицистов, став содержательным стержнем "мифа об основании второй германской демократии". За прошедшие шестьдесят лет их усилиями был сформирован образ этих событий, который оказывал и оказывает серьезное влияние на научные исследования.

Не вызывает сомнений факт, что именно 1948 г. стал рубежом, когда "послевоенная эпоха" трансформировалась в "предысторию ФРГ"¹. В то же время, складывается впечатление, что историки не верят в перспективу дальнейшего изучения экономических реформ в западных зонах оккупации Германии. Об этом свидетельствует почти полное отсутствие в ФРГ монографий по данной теме, вышедших в последнее десятилетие². В отличие от германских исследователей, российские историки демонстрируют стабильный интерес к данной проблеме³.

Возможно, "взгляд извне", не связанный со стереотипами, сопровождающими жителей современной ФРГ еще со школьной скамьи⁴, мог бы оказаться весьма полезным. Негерманскому историку бросается в глаза уже то, насколько эти стереотипы противоречат друг другу. С одной стороны, говорится о том, что денежная реформа в июне 1948 г. готовилась и проводилась военными властями в обстановке глубокой секретности, немцы узнали о ней только тогда, когда закрылись банки и магазины, и ничего уже нельзя было изменить. С другой стороны, утверждается, что своим успехом реформа была обязана представителям германских административных органов,

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Weber J.* Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd.2. Das Entscheidungsjahr 1948. München, 1995.

² *Möller H.* Zur Vorgeschichte der Deutschen Mark. Die Währungsreformpläne 1945–1948. Tübingen, 1961; *Wandel E.* Die Entstehung der Bank deutscher Länder und die deutsche Währungsreform 1948: die Rekonstruktion des westdeutschen Geld- und Währungssystems 1945–1949 unter Berücksichtigung der amerikanischen Besatzungspolitik. Frankfurt a.M., 1980; *Brackmann M.* Vom totalen Krieg zum Wunder: die Vorgeschichte der westdeutschen Währungsreform. Essen, 1993.

³ *Антропов В.В.* Социальная рыночная экономика: путь Германии. М., 2003; Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России. М., 2007; *Невский С.И.* Социально-экономические реформы в послевоенной Западной Германии: 1945–1949. М., 2008.

⁴ Вот как рассказывается о реформах 1948 г. в учебнике истории для баварских школьников: «21 июня глава экономического ведомства Бизонии Людвиг Эрхард провозгласил конец системы принудительного rationирования. Денежная реформа и рыночная экономика в один момент изменили жизнь: магазины наполнились товарами, исчез "черный рынок", появились стимулы к труду». – BSV Geschichte 4G. München, 1993, S. 159.

которые сумели отстоять свою позицию в острых дебатах с американскими экономическими экспертами.

В центре "нерукотворного памятника" в честь политэкономической трансформации Западной Германии находится фигура Л. Эрхарда, который весной 1948 г. возглавил экономическое ведомство Бизонии, куда вошли английская и американская оккупационные зоны. Как принято считать, именно Эрхард в тот момент "помог повернуть судьбу Германии"⁵. Непосредственный начальник Эрхарда, глава административного аппарата Бизонии Г. Пюндер утверждал в мемуарах, что введение социального рыночного хозяйства являлось "гениальной инициативой" Эрхарда⁶.

Дальше всех пошел его российский биограф, утверждавший, что немцы узнали о денежной реформе со слов Эрхарда. Тот якобы имел 18 июня 1948 г. острый разговор с главой американской военной администрации генералом Л. Клеем, который держал его в неведении относительно процедуры обмена денег. Пригрозив отставкой, Эрхард выяснил детали и сроки реформы и тут же помчался на гессенское радио. "Схватив микрофон, он сделал заявление о начале денежной реформы, как будто это было его собственное решение"⁷. И это только одна из многочисленных легенд.

Конфликт Эрхарда и Клея вокруг процедуры отмены карточной системы в первые дни после проведения денежной реформы ("я не изменил, а отменил Ваши распоряжения", – заявил немецкий чиновник американскому военному) является классическим примером мифотворчества, связанного с формированием социального рыночного хозяйства ФРГ⁸. Профессиональные историки проявляют в данном случае похвальную осторожность: "Имеющиеся документы не дают нам возможности ни отнести этот сюжет в разряд легенд, ни получить ему какое-либо подтверждение"⁹.

Возникает естественный вопрос: не является ли такое превознесение заслуг одного лишь Эрхарда результатом его последующей политической карьеры и сопровождавшего ее грамотно организованного "пиара"? Не отрицая бесспорных заслуг главы экономического ведомства Бизонии, следует помнить о том, что начатые летом 1948 г. реформы имели комплексный и системный характер, затрагивая практически все стороны хозяйственной жизни Западной Германии. Обратив внимание на те аспекты реформ, которые долгое время оставались на втором плане, мы выведем из тени и других творцов "экономического чуда" ФРГ.

В памяти современников осталась, прежде всего, изнурительная процедура обмена денег ("километровые очереди") и отказ от системы жесткого рационирования товарной массы, приведший к быстрому насыщению рынка товарами первой необходимости ("чудо полных витрин"). Незаслуженно забытой оказалась еще одна составляющая июньских реформ 1948 г. – введение новой системы налогообложения. Именно она стала камнем преткновения во взаимоотношениях немецких чиновников и военных властей Бизонии, породив кризис доверия между ними, гораздо более серьезный, нежели легендарная перепалка Эрхарда и Клея. На этом сюжете мы и сосредоточим внимание в настоящей статье.

Состояние послевоенной немецкой экономики напоминало поведение человека, лишенного воды или испытывавшего нехватку кислорода: поменьше двигаться и экономить силы. Инфляционное финансирование Второй мировой войны нацистским режимом привело к развалу финансовой системы Германии; оккупационные власти лишь усугубляли хаос, печатая деньги для своих нужд "по потребностям". Уже с 1946 г. начали прорабатываться планы радикальной денежной реформы, которая должна была

⁵ Hentschel V. Ludwig Erhard. Ein Politikerleben. München, 1996, S.51.

⁶ Puender H. Von Preussen nach Europa. Lebenserinnerungen. Stuttgart, 1968, S. 360.

⁷ Зарицкий Б.Е. Людвиг Эрхард: секреты экономического чуда. М., 1997, с. 78.

⁸ Ченуренко А.Ю. Мифы о социальном рыночном хозяйстве. – Социальное рыночное хозяйство..., с. 281–284.

⁹ Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland 1945–1949, Bd.4. München – Wien, 1983, S. 49–50.

охватить все зоны оккупации¹⁰. Иной подход, на котором настаивали немецкие экономисты – постепенное изъятие излишней денежной массы путем фискальных мероприятий – представлялся военным властям слишком сложным и медленным¹¹.

В феврале 1946 г. союзнический Контрольный совет ввел новые ставки налогов, значительно выросшие по сравнению со временами "третьего рейха". Подразумевалось, что таким образом Германия сможет быстрее и эффективнее возмещать ущерб странам, пострадавшим от нацистской агрессии. Однако повышение налогов мало беспокоило и предпринимателей, и наемных работников: и тех и других в условиях господства "черного рынка" гораздо больше интересовал доступ к реальным материальным ценностям. Налоги же платились обесцененными деньгами, которые не играли положенной им роли в системе тотального rationирования¹². Около трети собранных средств уходило на оплату оккупационных расходов, что еще более искажало реальную картину состояния дел в экономике. К середине 1947 г. собранные налоги составили во всей Германии 23 млрд. рейхсмарок при произведенном валовом внутреннем продукте (ВВП) в 48 млрд. рейхсмарок. При этом значительно выросла доля налогов, которые приходилось платить каждому¹³.

В этих условиях большинство работавших по найму было лишено легальных стимулов к эффективному труду, многие служащие выходили на работу один–два раза в неделю. Карточки на продукты выдавали каждому, а на формальную зарплату, заморозенную еще в 1936 г., прожить было невозможно. Шанс поправить свое материальное положение для простых немцев открывали ремесло, мелкая спекуляция, поездки на "менку" в деревню, где можно было получить дефицитное продовольствие, сокрытое от контролирующих органов.

Осью хозяйственной жизни Западной Германии стал "черный рынок", мерой всех вещей – пачка американских сигарет. Комментарии западногерманской прессы были выдержаны в тех же черных тонах: "Воля к честному труду, радость от него возможны только тогда, когда у человека остается значительная часть заработанного, выраженная в достойной валюте. Конфискационные налоги последних лет подорвали моральные стимулы к честной работе, к выплате налогов и накоплению"¹⁴.

Вряд ли можно вслед за советской историографией говорить о том, что экономический хаос первых послевоенных лет был выгоден предпринимателям – процветали бартерные сделки, на уровне отдельных предприятий велась двойная бухгалтерия, практически невозможно было составить общий народнохозяйственный баланс. Но в тех условиях речь шла не о выгоде, а о выживании, и экономическая политика оккупационных властей его обеспечивала. "Принудительное хозяйство" представляло почти даровую рабочую силу для восстановления производства, гарантировало перерабатывающим отраслям поставки сырья и твердые цены на него. Несмотря на значительные налоги и нерентабельность предприятий, их владельцы были избавлены от опасности банкротства. Теряя известную долю самостоятельности, предприниматель фактически становился частью административного аппарата со всеми вытекающими отсюда привилегиями.

Хотя с осени 1947 г. западногерманская экономика вступила в фазу подъема, его темп значительно снижался ожидание появления "нормальных денег"¹⁵. Накануне денежной реформы генеральный секретарь Совета земель Бизонии Г. Трегер записывал в дневнике: "экономика остановилась из-за страха предпринимателей заработать хоть немного больше, чем было абсолютно необходимо"¹⁶.

¹⁰ Möller H. Op. cit.

¹¹ Die deutsche Wirtschaft zwei Jahre nach dem Zusammenbruch. Tatsachen und Probleme. Berlin, 1947.

¹² В немецких исследованиях используется термин "Zwangswirtschaft" – "принудительное хозяйство".

¹³ Die deutsche Wirtschaft zwei Jahre nach dem Zusammenbruch, S. 224.

¹⁴ Friedländer E. Leistung als Trumpf. – Die Zeit, 24. VI. 1948.

¹⁵ Abelshäuser W. Wirtschaft in Westdeutschland 1945–1948. Stuttgart, 1975, S. 167–168.

¹⁶ Träger H. Interregnum. Tagebuch des Generalsekretärs des Länderrats der Bizone 1947–1949. München, 1985, S. 84.

Известная поговорка о том, что "понедельник – день тяжелый", в полной мере доказала свою справедливость в последнюю неделю перед началом денежной реформы. В понедельник, 14 июня 1948 г. напряжение достигло максимума – газеты в один голос сообщали о том, что старые деньги отменят уже в ближайшие выходные. "В обществе царит такое же тревожное настроение, как и в последние дни войны"¹⁷. Торговцы в массовом порядке закрывали свои лавки, ссылаясь на отсутствие товаров. Клиентов, напротив, охватил "покупательский ажиотаж". Пытаясь хоть как-то сохранить свои сбережения, люди заранее оплачивали коммунальные услуги, приобретали впрок железнодорожные билеты, отправляли денежные переводы родственникам в советскую зону оккупации. Все собирали металлические монеты, считая, что они останутся в ходу и после замены бумажных денег¹⁸.

Тяжелым понедельник 14 июня 1948 г. оказался и для Экономического совета Бизонии, располагавшегося там же, где и штаб-квартира американских оккупационных войск – во Франкфурте-на-Майне. В состав совета входили 104 представителя земель, избранных в соответствии с расстановкой партийно-политических сил на региональном уровне. В этот день работа бizonального предпарламента впервые прошла в закрытом режиме. Тон заседанию зададо заявление о сложении своих полномочий представителя Баварии Г. Зеелига: "Экономический совет и его члены из-за бесплодности и безуспешности своей работы стали предметом насмешек нашего народа"¹⁹. Худший вариант демократического перевоспитания немцев трудно было придумать.

На повестке дня совета стоял вопрос, который неизбежно возникает сразу после смены власти или же, напротив, становится решающим толчком к революции, как это не раз бывало в новой истории Европы – вопрос о сборе и распределении налогов. Еще в апреле 1948 г. военные руководители Бизонии заговорили о желательности вступления в силу новой налоговой системы одновременно с введением новых денег, хотя и считали это трудноразрешимой задачей. Соответствующие предложения были разработаны в бizonальном ведомстве финансов (его возглавлял А. Хартман) и прошли необходимые бюрократические согласования. Эти предложения подразумевали значительное снижение налогового бремени для того, чтобы создать благоприятные условия для возрождения германской промышленности.

14 июня 1948 г. Экономический совет принял обращение к оккупационным властям, звучавшее как ультиматум: в основу налоговой реформы Бизонии должны быть положены именно эти предложения. "Скачку в неизвестность надо начинать с известной почвы, а именно с почвы немецких условий и немецкого налогового законодательства", – утверждал депутат Эльзен на заседании 14 июня. Его поддержали коллеги по фракции ХДС: "Если западные державы всерьез думают о строительстве демократии в Западной Германии, то они должны задуматься об ответственности и авторитете Экономического совета"²⁰.

Немецким парламентариям трудно было бы выбрать более благоприятный момент для борьбы за перераспределение полномочий. В условиях нараставшей "холодной войны" Западу нужны были новые союзники. Только что были оглашены решения Лондонской конференции, открывавшие путь к образованию сепаратного западно-германского государства. Военные власти Бизонии уже не могли больше откладывать проведение обмена денег; они не меньше немцев были заинтересованы в превращении Западной Германии в "экономический магнит" для жителей советской зоны оккупации.

¹⁷ Das neue Geld wirkt Wunder. – Der Spiegel, 19.VI.1948.

¹⁸ Собиратели монет просчитались – металлические деньги после реформы остались в ходу, но принимались по одной десятой от номинала.

¹⁹ Wörtliche Berichte und Drucksachen des Wirtschaftsrates des Vereinigten Wirtschaftsgebietes 1947–1949, Bd.2. Frankfurt a.M., 1948, S.601.

²⁰ Ibid., S.606, 607.

В тот же день обращение было вручено Клею и руководителю британской военной администрации генералу Робертсону. С немецкой стороны во встрече участвовала представительная делегация во главе с председателем Экономического совета Э. Келером, в которую входили руководители почти всех земельных правительств Бизонии, главы ряда бизональных ведомств (в том числе Эрхард и Хартман). Ситуацию осложняло то, что новые налоговые законы могли вступить в силу вместе с денежной реформой только в том случае, если были бы изданы от имени оккупационных властей. Последним в таком случае пришлось бы официально признать, что они пошли в фарватере немецких предложений.

Клей сразу же почувствовал, что немцы пытаются говорить с ним на равных: "Нам непонятно, как вы можете требовать, чтобы немецкие предложения были приняты без каких-либо изменений. Мы не можем вести переговоры, если нам предъявляют ультиматум"²¹. Как показывает официальная переписка Клея, в тот момент его волновала не столько позиция немцев, сколько поведение французов²². Вашингтон настаивал на скорейшем образовании Тризонии, для чего было необходимо проведение единой денежной реформы.

Затягивая этот процесс, Франция стремилась получить уступки в вопросах о Сааре и контроле над Руром. Кроме того, французские власти боялись, что резкое сокращение налоговых поступлений в результате реформы приведет к тому, что их зона не справится с бюджетным дефицитом²³. Премьер-министры немецких земель, находившихся под контролем Франции, убеждали их в обратном, подчеркивая, что сохранение особой ставки налогов во французской зоне приведет к бегству капиталов из нее в Бизонию. В ходе заочной полемики вспоминали даже о событиях 1923 г., хотя, на сей раз, обе стороны стремились избежать конфронтации.

Клей и Робертсон пытались сыграть роль "честного маклера", умело используя в своих целях то обстоятельство, что немецкие представители Бизонии не могли напрямую вести переговоры с французами. Клей принялся поучать немцев: "вы должны иметь в виду, что другие зоны могут отвергнуть ваши предложения, даже если генерал Робертсон и я с ними согласимся; вероятно, они потому и отвергают их, что эти предложения исходят от Экономического совета"²⁴. Как видно, победители-французы всячески сопротивлялись тому, чтобы их ставили на одну доску с немцами; этот аргумент имел гораздо большее значение, чем угроза бюджетного дефицита в их зоне оккупации.

Не менее жестко повели себя и побежденные немцы. Келер на встрече 14 июня 1948 г. заявил: пусть налоговые законы охватывают одну лишь Бизонию, но они должны быть немецкими. Переговоры грозили закончиться, едва начавшись. И все же немецкие представители убедили американских и британских военных заслушать доклад Хартмана о сути своих предложений, после чего Клей, сославшись на то, что Совет земель Бизонии не знаком с концепцией налоговой реформы, предложил перенести заседание на завтра.

Вернувшись на следующий день в штаб-квартиру американской военной администрации, немцы лишний раз смогли убедиться, кто является хозяином положения. Представителей Бизонии два часа мариновали в приемной, так как в здании концерна "ИГ Фарбен" шла встреча военных руководителей трех западных зон. Затем Клей обратился к немцам с призывом к поиску компромисса, к учету позиции французов: "Тризональная денежная реформа не может быть поставлена под удар из-за ваших налоговых предложений"²⁵. Хартман вновь принялся объяснять, что снижение налоговых ставок приведет к улучшению предпринимательской морали, "кроме того, следу-

²¹ Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland 1945–1949, Bd.4, S. 601.

²² The Papers of General Lucius D. Clay: Germany 1945–1949, v. 2. Bloomington, 1974, p. 681–685.

²³ Henrich H. Geburtswehen. – Frankfurter Rundschau. 17.VI.1948.

²⁴ Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland 1945–1949, Bd.4, S.602.

²⁵ Ibid., S.613.

ет создать серьезный стимул, противодействующий шоку, который вызовет денежная реформа". Именно 30%-ное сокращение подоходного налога, а отнюдь не чудо полных витрин превозносила в первую пореформенную неделю западногерманская пресса²⁶.

Переговоры немецких руководителей Бизонии с военными губернаторами, продолжавшиеся с перерывами с понедельника по среду, подтвердили, что претензии первых на положение равноправного партнера пока еще были беспочвенны. Разыгрывая на переговорах с немецкими представителями "французскую карту", западные оккупационные власти не менее успешно намекали французам на неуступчивость немцев. Однако 16 июня от их позиции "честного маклера" уже мало что осталось. Клею и Робертсону, накануне получившим очередной ультиматум французов, пришлось определяться, на чьей они стороне. В этот день Клей доносил в Вашингтон по телефону: "Франция строит нам препятствия на каждом шагу... Наши немцы предложили жизненно важную налоговую реформу, которую Франция соглашается распространить на свою зону только при условии более высокого уровня налогов. Наши обязательства, а также наша убежденность в том, что реформа крайне важна, не позволяют нам согласиться с мнением французов. Это разрушит авторитет Экономического совета и приведет к жесткому противодействию денежной реформе. Сегодня французы нам заявили, что либо мы примем их предложения по налоговой реформе, либо они не присоединятся к реформе денежной... Во время всех наших переговоров соглашение по налогам никогда не рассматривалось как необходимое условие денежной реформы. Этот ультиматум появился вчера вечером, когда грузовики уже развозили деньги по всей Западной Германии"²⁷.

Кризис, стержнем которого оставалась проблема налогов, сместился в сторону от немецких политиков, его пришлось решать уже Парижу и Вашингтону. 16 июня 1948 г. немецких руководителей Бизонии принимал один Робертсон. Эта личность, подобно директору финансового ведомства Хартману, почти исчезла из предыстории ФРГ. Англичанин, по большей части находившийся в тени Клея, на самом деле оказался мастером компромиссных решений, участники встречи были буквально очарованы его "дипломатическим мастерством и личным шармом"²⁸. В последний момент был найден компромисс между позицией бизональных немецких властей – сократить налоги на 50%, и нежеланием французской администрации что-либо менять в собственной зоне.

Англосаксонская культура политического диалога оказалась весьма эффективной. Немцев не только не "ставили на место", используя административный нажим, но всячески приподнимали, говоря о том, что образование их собственного государства уже не за горами²⁹. Те в полной мере использовали предоставленные возможности. Так, Эрхард заявил прессе сразу же после завершения встречи с Робертсоном, что англо-американская администрация поддержит немецкие предложения по налоговой реформе в противовес позиции французов³⁰. Это выглядело уже как подталкивание военных властей к решениям, выгодным для немцев.

Бизональный закон о новой налоговой системе, действие которого распространялось и на французскую зону оккупации, был принят от имени оккупационных военных властей, но имел чисто немецкую "начинку" и вступил в силу уже 22 июня 1948 г. Однако этот факт отодвинули на второй план более яркие и запоминающиеся события. Вечером в пятницу, 18 июня, были официально объявлены условия обмена старых денег – предусматривалась их сдача на специальные счета в течение недели, а также проверка их происхождения налоговыми ведомствами. Населением Западной Германии было сдано 13.5 млрд. рейхсмарок, по оценкам экспертов на руках у воротил "черного рынка" осталось еще около 2.5 млрд. рейхсмарок, превратившихся в макулатуру³¹.

²⁶ Nach Steuerbord. – Der Spiegel, 26.VI.1948, S. 21.

²⁷ The Papers of General Lucius D. Clay, p. 682–683.

²⁸ Tröger H. Op.cit., S. 84.

²⁹ Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland 1945–1949. Bd. 4, S. 605.

³⁰ Westgouverneure in Frankfurt. – Neue Zeitung, 17.VI.1948.

³¹ Wandel E. Op.cit., S. 123.

В ночь на воскресенье перед пунктами обмена денег выстроились огромные очереди – каждый житель получал 40 новых марок (формально они обменивались на старые в пропорции 1:1). Еще двадцать подлежали выдаче позже. Юридические лица получали по 60 марок на каждого работающего. Все банковские вклады населения замораживались на неопределенное время. Цены, зарплаты, пенсии и прочие пособия сохраняли свои номинальные размеры.

Лишь 26 июня 1948 г. был оглашен закон военных властей № 63, раскрывавший детали обмена старых денег на новые. Вводилась сложная процедура пересчета, в конечном итоге пропорция обмена составила 100:6.5. Ответственность за дальнейшую эмиссию возлагалась на Банк немецких земель (его имя стояло на новых купюрах, напечатанных в США еще в 1947 г.). В рамках денежной и налоговой реформы был обойден вопрос о компенсации лицам, потерявшим свое имущество в результате нацистских экспроприаций и военных действий. Эта проблема, волновавшая едва ли не каждого немца, перекладывалась на плечи германских властей и отодвигалась в неопределенное будущее.

Первые комментарии прессы были выдержаны в духе осторожного оптимизма. "Вот и появились новые деньги. Никто не собирается проливать слезы по поводу их предшественников. Когда не было смысла продуктивно работать, когда карточки на табак стоили больше, чем месячная зарплата, когда выигрывал тот, кто вместо полезного труда занимался мелкой спекуляцией, в безнадежном хаосе оказывалась не только экономика, но и вся наша жизнь"³².

Немецкие политики также подчеркивали "возвращение к нормальности". Премьер-министр Гессена Х. Шток в радиообращении 19 июня заявил, что немцы второй раз после первобытного состояния переходят от меновой торговли к денежному обращению³³. Эрхард неустанно давал интервью, демонстрируя все свое красноречие: "только сегодня мы освободились от кошмара массовой истерии, которую породил искусный финансовый трюк, сочетавший инфляцию с замороженными ценами"³⁴. Похоже, дрожжами для западногерманского хозяйства на тот момент являлся не экономический либерализм Эрхарда, а его баварский оптимизм, помноженный на профессорскую самоуверенность³⁵.

Отстаивая линию на скорейшее освобождение товаров от бюрократического рациона, Эрхард действительно был уверен в том, что законы рынка сделают свое дело. Но летом 1948 г. это было делом будущего. Напротив, налоговая реформа оказала на хозяйственную жизнь непосредственное воздействие – уже с 1 июля 1948 г. предприятия начали по-новому вести внутреннюю бухгалтерию. Ее автор, руководитель финансового управления Бизонии Хартман так и не стал "публичным политиком", но дело свое знал и отстаивал собственную позицию довольно храбро. К сожалению, о нем нет речи в литературе, посвященной западногерманскому "экономическому чуду"³⁶, а ведь он вполне мог бы претендовать на роль одного из его отцов³⁷.

³² *Friedländer E.* Leistung als Trumpf. – *Die Zeit*, 24.VI.1948.

³³ *Stock Ch.* Von Weimar nach Wiesbaden. Reden und Schriften. Darmstadt, 1984, S. 187.

³⁴ *Erhard L.* Deutsche Wirtschaftspolitik. Düsseldorf, 1962, S. 62.

³⁵ "Язык и образы Эрхарда во время его выступлений в Экономическом совете вызывали ассоциации скорее с пророком, нежели с экономистом, который опирался на реалии и выступал за конкретные решения". – *Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland 1945–1949*, Bd. 4, S. 50.

³⁶ Хартман тоже прибыл во Франкфурт из Баварии, где работал в земельном министерстве финансов. На пост директора финансового ведомства Бизонии он был избран 9 августа 1947 г. – *Etzel F.* Die Bedeutung Alfred Hartmanns für den Aufbau der Finanzverwaltung und die Neuordnung des Steuerrechts der Nachkriegszeit. Bonn, 1964.

³⁷ Можно привести факт, показывающий, насколько фигура Эрхарда вытеснила из современного исторического сознания его коллег. В литературе упоминается обращение Эрхарда по радио, прозвучавшее 19 июня 1948 г. и посвященное денежной реформе. Однако на самом деле обращение сделал руководитель правительства Бизонии Пюндер, а Эрхард и Хартман ему ассистировали. – *Puender H.* Op.cit., S. 358.

Новое фискальное законодательство привело к временному снижению налоговой массы. К концу августа она упала на треть по сравнению с дореформенным периодом³⁸. Однако это уже были реальные деньги, и управление ими давало земельным и бизональным властям необходимые материальные ресурсы для эффективного управления. Были заложены основы государственной поддержки накопления (выведение из налогооблагаемой базы расходов на страхование, благотворительность, строительство жилья). Для беженцев к этому приравнивалось приобретение товаров первой необходимости – это было пусть скромным, но все же возмещением ущерба, нанесенного войной. Налоговые льготы для партий и профсоюзов также являлись частичной компенсацией после фактического обнуления их и без того скромных банковских счетов.

Говоря о денежной реформе оккупационных властей и хозяйственной реформе Эрхарда, которые легли в основу западногерманского "экономического чуда", нельзя упускать из виду третью из реформ, проведенных в июне 1948 г. – финансовую. Она освободила предпринимателей от оков конфискационных налогов и облегчила налоговое бремя работников наемного труда. Как и действия Эрхарда, налоговая реформа носила характер монетарного мероприятия, теоретическим фундаментом которого выступало учение неолиберальной школы В. Ойкена и В. Репке.

Реформа имела и далеко идущие политические последствия. Так, сохранение за землями права на сбор части налогов стало одним из тех решений, которые обеспечили федеративный характер будущего государственного образования. Военные администрации лишились права тратить деньги по потребностям, придумывая в случае необходимости все новые сборы и акцизы (самым одиозным был табачный сбор во французской зоне оккупации).

Благополучно разрешенный конфликт вокруг экономических компетенций подтвердил способность гражданских руководителей Бизонии и военных губернаторов искать и находить политические компромиссы. Последние изменили строгий отеческий тон на тон старшего партнера, делая ставку на убеждение, а не на принуждение.

Июньские реформы 1948 г. показали "конгруэнтность интересов" между немецкими экспертами и западными военными властями³⁹, продемонстрировали четкое распределение ролей и оперативное взаимодействие между ними, до поры до времени скрытое от глаз общественности. Это стало важным фактором становления будущей атлантической солидарности, которая связывает Европейский Союз и США и по сегодняшний день. Главное размежевание между немцами и западными союзниками в тот момент шло не по линии "что делать", а по вопросу о том, "кто будет делать". Утвердив в законодательной практике свое видение будущей налоговой системы, Экономический совет сделал важный шаг в сферу компетенций, которая является неотъемлемой для парламентских органов демократических государств.

³⁸ Hexeneinmaleins. – Der Spiegel, 28.VIII.1948, S. 19.

³⁹ Brackmann M. Op. cit., S. 287.